

УДК 821.161.1

Культурологические аспекты «Зарубежных писем»

М. Шагинян

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Донская академия наук юных исследователей им. Ю.А. Жданова,
344006, Российская Федерация,
Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 55;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена яркому достижению в обширном литературном наследии М.С. Шагинян, универсального мастера пера, – сборнику очерков «Зарубежные письма» (1964). Он выделяется своим особым культурологическим и социологическим наполнением, вызванным всплеском жанра путевого очерка в отечественной литературе XX века и связанным с повышением интереса к историческому, культурному и духовному опыту западноевропейских народов.

Для цитирования в научных исследованиях

Стопченко Н.И. Культурологические аспекты «Зарубежных писем» М. Шагинян // Культура и цивилизация. 2015. № 3. С. 11-23.

Ключевые слова

Универсальный мастер, духовная жизнь, гражданская и творческая активность, проводник всечеловеческой культуры, мозаика творческой жизни, интернациональная тема, шекспировский вопрос, вершина реалистической сатиры.

«М.С. Шагинян – человек-феномен, человек-уникум».

Фёдор Абрамов

Введение

В богатом творческом наследии М.С. Шагинян, универсального мастера пера, «Зарубежные письма» (1964) выделяются своим особым *культурологическим* и социологическим наполнением, чему способствовал всплеск жанра *путевого очерка* в литературе XX века, связанный с повышением интереса к историческому, культурному и духовному опыту других народов. Автор не просто горячо и заинтересованно описывает послевоенные годы во всей сложности социокультурного процесса страны Западной Европы, где ей довелось побывать, она глубоко исследует *духовную жизнь народов*, тогдашнее состояние искусства, науки и техники, рассказывает о выдающихся деятелях национальных культур, увлеченно работая в архивах, библиотеках и хранилищах разных стран.

Знание иностранных языков, близкое знакомство с культурой Запада, незаурядная эрудиция М. Шагинян, рассыпанная фейерверком в «Письмах», представляют собой интереснейшее *литературное явление* в ее огромном наследии в целом. Вдохновенный талант художника, научный подход и опыт публициста, широта интересов и горизонтов позволяют создавать впечатляющие портреты выдающихся деятелей литературы и искусства, панорамные картины городов и достопримечательностей. Сказанное объясняет ее беспокойную страсть к поездкам и путешествиям, к общению с множеством людей многих культур. Она увлекательно повествует об отдельных страницах истории разных народов, философски размышляет об их многовековых духовных связях, обращается к теме преемственности культур, описывает все новое, что есть в каждой посещаемой стране, ее достижения и результаты экономического и политического развития. У М. Шагинян впечатляюще точный, зоркий взгляд, умеющий в интересных ярких ракурсах выявить непреходящее значение того или иного культурного феномена. Известный писатель Лев Никулин справедливо отметил упомянутые качества: «В превосходном и умном писателе Ма-

риэтте Шагинян всегда жило страстное желание идти вместе с жизнью, с современностью. Отсюда – ее любовь к очеркам, путевым заметкам. Мариэтта Сергеевна поражает читателей поэтичностью и вместе с тем обилием познавательного материала в своих очерках, точными и верными портретами людей, о которых она пишет» [Никулин, 1963, 8].

На «Волге» по Франции и поездом в Англии

Специфика очерков определяется еще и тем, что их художественно-публицистическую ткань М. Шагинян подняла на *новый уровень* в большой литературе, углубила и расширила жанровую структуру путешествия, приспособив ее к решению новых задач. Благодаря присущей художнику *гражданской и творческой активности*, она всегда находилась в гуще идейно-эстетических исканий и социокультурной жизни не только своей страны, но и зарубежья.

Данное обстоятельство позволяет видеть в ней *проводника всечеловеческой культуры*, в чем убеждают нас многие ее произведения, в том числе «Зарубежные письма». «Красота – и та нить времени, которую зовут историей, и люди-творцы, неутомимо создающие материальный и духовный мир, как пчелы в улье нашей планеты Земли, – напоминает М. Шагинян современникам и потомкам в очерке «На «Волге» по Франции». – От того, что так много сохранилось следов их непрерывной деятельности, вы вдруг начинаете конкретно представлять себе слово «человечество» не суммой всех тех, кто живет сейчас, сию минуту, а суммой всех, живших в веках и обречённых жить в будущем» [Шагинян, 1988, т. 6, 19]. И она дает глубокий историко-культурный срез духовной жизни от далекой античности и средневековья до современности. Там находят свое место не только практичный путеводитель по французским городам и весям, но и самый впечатляющий спектр деятелей культуры: даны творческие портреты живописцев Ж.-Ф. Милле, Т. Руссо, Ж.-Б. Грёза. Не забывает она и родоначальника французского и европейского реализма Ф. Стендаля, достопримечательности музеев Гренобля и Фонтенебло, горько памятное кладбище Пер-Лашез, потрясающую личность Альбера Швейцера с его концепцией «благоговения перед жизнью»... Автор «Писем» неизменно верна своему

стремлению сопрягать прошлое с настоящим, историю культуры с сегодняшним днем. Не случайно в своих более поздних мемуарах «Человек и Время: История человеческого становления» (1980) она исповедально отметит: «Мне всегда и всюду, при всех обстоятельствах хотелось *понять*, и это желание *понять* стеной стояло между мной и стихийным процессом жизни» [Шагинян, 1986, т. 1, 202-203].

Оригинален ее подход к изучению зарубежных культур. «Знать страну, – убежденно полагает М. Шагинян, – это, значит, уметь ее представить себе, закрыв глаза. Всю целиком, объемно и зримо, географически и живописно, в отдельных частях и контурах. Так я могу, например, представить себе Британские острова от шотландских озер до седой пены волн у скалистого берега Лэндс-Энда... Понять Англию помогают сами англичане, издавая, как нигде в другой стране, подробнейшие справочники о себе» [Шагинян, 1988, т. 6, 344-345]. Широкое использование автором содержательных *предтекстов* содействует созданию яркого образа как самого повествователя, так и той или иной европейской страны, придает известный лиризм повествованию. Дополняя мозаику социальной и культурной жизни Великобритании, писательница увлекательно знакомит нас с историей становления и спецификой заседаний ПЕН-клуба, проблемами английского кинематографа и многовекового «шекспировского вопроса»... С присущим ей живым интересом ко всем культурным достопримечательностям Лондона в цикле «Английских писем» и изумительным владением мастерством рассказчика М. Шагинян увлекательно повествует об увиденном, прочитанном и услышанном на британской земле, предлагая к освоению на редкость мощный культурный пласт, не оставляющий никого равнодушным.

«Вы можете прекрасно знать английскую литературу, наглядеться на сотни «видов» в кино, в альбомах, в книгах, и все же первая встреча с Англией потрясет вас своей новизной», – заверяет она читателя [там же, 136]. И на протяжении всех «Английских писем» автор вносит все новые и новые красочные мазки в емкую панораму английской культуры и английского характера. «Все противоречивые качества англичанина, создавшие ему репутацию необыкновенной замкнутости, сочетаются в английском народе с удивительной, сердечной при-

ветливостью... Вот эта искренняя приветливость простого народа Британии и создает, как мне кажется, вместе со всеми перечисленными выше факторами, ту атмосферу простоты и удобства, в какой вы начинаете себя чувствовать на английской земле» [там же, 140-141]. Едва М. Шагинян ступила на британскую землю, как ей пришлось буквально попасть «с корабля на бал» – на проходивший в те дни в Лондоне очередной конгресс ПЕН-клуба, представлявший для нее, писательницы старшего поколения, немалый интерес. Впечатляюще раскрывая историю его создания как «аполитичного» в пожеланиях признанных мэтров английской литературы Дж. Голсуорси и Г. Уэллса, она заинтересованно описывает сам ход заседания и его маститых участников, фиксируя ловкие попытки втягивания ПЕН-клуба в идеологическую борьбу, что не помешало ей оценить конгресс как в целом интересный и содержательный.

Углубленно знакомясь с культурной жизнью Лондона, М. Шагинян восхищалась специфическим театральным миром английской столицы, уделяя повышенное внимание знаменитому «Ковент-Гардену», национальным особенностям и достижениям английского кинематографа, связанным с блестящей игрой актеров и успешной экранизацией романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба».

Но особое человеческое и писательское отношение у нее к «крупнейшему поэту мира всех времен», которому она посвящает отдельную главку «Шекспир глазами нашего времени», открывая новые грани восприятия. «Не сыном мнимого «золотого века», а сыном бурного, исполненного огромных контрастов, беспокойного времени, когда начинала складываться и мощь, и бессилие, и богатство, и нищета Англии, был Уильям Шекспир. И лишь такое бурное время, а не мертвое царство мнимого всеобщего благоденствия могло напитать могучее творчество величайшего поэта той изумительной жизненной силой, какой дышат его творенья, не только не постаревшие за четыреста лет, но ставшие еще более нужными, еще более близкими нашему времени» [там же, 215]. И далее следует талантливый экскурс по его знаменитым трагедиям. Затрагивает она и «шекспировский вопрос» с позиций убежденной «стратфордianки». Якобы «само время, само углубленное изучение Шекспира наносит сокрушающий удар, отбрасывая легенду как абсолютную нелепость: легенду о том, что «био-

графия» Шекспира не подходит к гению его произведений и, значит, надо их приписать другим, «более подходящим лицам». И делает прозрачный намек: «недаром легенда эта родилась за океаном, в стране без культурных традиций» [там же, 218]. Но концепция «стратфордианцев», как показали исследования многих шекспиристов, на сегодня не выдерживает критики!

Безусловно, к Шекспиру-драматургу и поэту относится емкая характеристика деятелей Возрождения как «титанов по силе мысли, страсти и характеру» (Ф. Энгельс). Его *титанизм* – в необычайной глубине раскрытия противоречий своей сложной эпохи, отразившихся в характерах его героев с их страстями, исканиями, сомнениями, провидением будущего, в показе того, как несправедливый общественный порядок извращает «дивное создание» – человека – и как человек все же оказывается способным победить все мерзости и несправедливости жизни. Скудость сведений о Шекспире дала повод к возникновению в середине XIX века гипотезы, согласно которой автором 37 пьес, двух поэм и 154 сонетов был не актер Уильям Шекспир, а какое-то другое лицо, по неизвестным причинам пожелавшее скрыть свое имя. Так рождался «шекспировский вопрос», вылившийся в длительный спор «стратфордианцев» и «антистратфордианцев», опирающийся на огромный разрыв между «содержанием произведений Шекспира и его бытием». Впервые ответ на этот вопрос дал ученый секретарь Шекспировской Комиссии при Российской академии наук И.М. Гилилов в содержательной монографии (см.: [Гилилов, 1997]), но только, к сожалению, через пятнадцать лет после ухода М. Шагинян...

Шекспировская тайна сродни тайне Атлантиды. Шекспир, оказалось, есть огромная загадочная страна, терпеливо дожидаящаяся более двух веков извлечения на свет своих погребенных под слоем неизвестности сокровищ. Благодаря этой книге загадочная страна «Шекспир» начинает «всплывать» из глубин неизвестности. Автор ее хорошо знает историю «шекспировского вопроса», т.е. проблемы авторства, и потому выбрал единственно верный путь – научный. Можно утверждать, что это уже не версия, а сама *разгадка*. При всей научности книги И.М. Гилилова, доказательности каждой фразы документами и фактами, собранными прежними поколениями исследователей и более всего ее автором, – никакой другой ответ на вопрос об авторстве шекспировских произведе-

ний нам не представляется возможным. Величайшая в истории *мистификация* (они есть в русской и мировой литературе!), как доказал И.М. Гилилов, проделана семейной парой Роджером Мэннерсом, графом Ретлендом (1576-1612), и Элизабет Мэннерс, графиней Ретленд (1585-1612). Человечество и впредь будет пользоваться именем «Шекспир», но при этом знать, кто стоит за ним... «Шекспир вросся в плоть и кровь человечества, он составная часть всей культуры», – правомерно констатирует М. Шагинян [Шагинян, 1988, т. 6, 223].

Шедевры искусства в Италии и Нидерландах

Двухмесячная поездка по десяти городам Италии, этой «бессмертной жемчужины художественных сокровищ», дала возможность М. Шагинян навсегда запомнить лик страны, любимой всем человечеством за красоту природы, горячий и открытый нрав народа, дивные шедевры искусства, собранные в ее музеях. С Италией Россию связывает многовековое духовное общение: богата галерея имен знаменитых итальянских и русских зодчих, живописцев, музыкантов, певцов, ученых, творческие судьбы которых взаимно пересекались.

Каждый город – будь то Флоренция, Милан, Болонья, Неаполь, Падуя или Верона – как «стихотворение, о котором хочется сказать, что оно единственное. Вот Парма – город музыки, родина дирижера Тосканини, место жизни и творчества Верди, погребения Никколо Паганини», – растроганно пишет тонкий знаток итальянской культуры [там же, 245]. Яркие и колоритные штрихи сделаны ею в мозаичной панораме: незабвенные творения Л. да Винчи, работа итальянских актеров в европейски известном театре Э. Де Филиппо, эстетическая оппозиция традициям художника с армянскими корнями Г. Шилтяна, думается, дополняют информацию даже содержательных официальных путеводителей.

«Не знаю, какую другую страну можно полюбить так сразу, как Голландию», – интригуяще заявляет М. Шагинян об очередной стране своего паломничества. И не давая прямого ответа на сие утверждение, она подводит нас к мысли, что истоки этой симпатии – в богатых культурных связях России и Нидерландов-Голландии, начиная с посещения ее Петром Великим (1697) и памяти о нем по сию пору в провинциальном городке Заандаме. «Я ехала в

Голландию, чтобы взглянуть на нее глазами Петра» [там же, 322, 328]. Поклонница красот как европейского юга, так и северной Европы, она вдохновенно описывает многовековую борьбу нидерландцев за отвоевание земли у моря и ее трудолюбивое освоение, восхищается культурой выращивания знаменитых тюльпанов, интригует любителей нидерландской живописи малоизвестными страницами творческой биографии Рембрандта-рисовальщика...

Дифирамбы Златой Праге

Прагу, убеждает нас М. Шагинян после «счастливых скитаний» (а сколько их было во всей Европе!) по столице Чехии, можно увидеть и услышать только «при долгом, многодневном странствовании по камням этого единственного в мире города, ... потому что мертвых камней в нем не было» [там же, 392-393]. И далее следуют восторженные дифирамбы Златой Праге, ее улицам и площадям, трудолюбивому чешскому народу, овеянному «духом музыки» как «вторым языком человечества» и внесшему свой вклад в создание великой славянской культуры. Она представлена многообразным и плодотворным вниманием армяно-русского ученого к педагогическому наследию Я.А Коменского, творчеству «чешского Моцарта» И. Мысливчека, возвращенного ею на оперную сцену своей родины и остального мира, многих других известных и малоизвестных талантов из народа.

Колоритная личность создателя сатирического эпоса о Швейке Ярослава Гашека (1883-1923) вызывает у нее профессиональный интерес, в первую очередь тем, что именно в революционной России произошел коренной перелом в его мировоззрении, а сатира стала конкретной и беспощадной, ирония сменилась сарказмом, гипербола и гротеск помогали глубже вскрывать общественные проблемы. Решающее значение в возникновении образа Швейка имели антимилицаристские воззрения Я. Гашека, его оппозиционное отношение к монархии, знакомство писателя с молодым пражским ремесленником Йозефом Швейком (1892-1956), ставшим его другом и давшим некоторые черты и имя герою. Как творческая личность М. Шагинян поражена небывало сложной судьбой и талантом чешского собрата по перу – писателя-сатирика и юмориста, публициста, поэта, создателя сатирического эпоса о Швейке, участника Первой мировой во-

йны (1915) с добровольной сдачей в русский плен, члена РКП(б) и службой в Красной Армии, обладателя исключительной работоспособности: он написал за короткую жизнь свыше 1200 многожанровых произведений...

Я. Гашек шел в писательском созревании от глубокого знания народной жизни, ассимилировал и включал в свое творческое мышление труднообозримое богатство народного юмора – яркой формы комментария к жизни. Он импонировал М. Шагинян-философу в русской традиции прежде всего тем, что в высшей степени обладал способностью видеть противоречия в самых различных проявлениях поведения людей – необходимым условием юмора и сатиры. В «Похождениях бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1923, не окончен), вершине реалистической сатиры, проявляется комическое отрицание с «шутейным сопротивлением», близким карнавальному действу (М.М. Бахтин). Исключительную силу роману Я. Гашека придал гениально найденный образ главного героя, в котором сконцентрирован тип народного сознания, характера и менталитета. Мировой успех выпал на долю романа о Швейке, связанного с процессом углубленного реализма XX века, обогащением его развития в жанровом отношении, фиксирующим создание единственной сатирической эпопеи такой художественной и идейной значимости. Чешский писатель, полагает М. Шагинян, создал художественный тип такой глубины и масштабности, который по праву занял свое место в *пантеоне вечных образов* мировой литературы: бессмертный образ Швейка вобрал в себя народную мудрость, глубину философской мысли и человеческих чувств, широту художественных замыслов и пластичность изображения.

Духовное паломничество М. Шагинян в Германии

Бросается в глаза стремление автора «Писем» к *познанию современного мира*, стремление собрать и сберечь реалии времени в каждой национальной культуре, характерные детали и подробности событий, пронизательно осмыслить и зафиксировать все происходящее на европейском континенте сегодня, на глазах у современников, не дать исчезнуть или потеряться конкретным фактам исторического процесса.

Немецкая культура занимает особое место в духовном мире, личной жизни и биографии М. Шагинян, по-прежнему поражающей поэтичностью и обилием познавательного материала в своих очерках. «Много, много лет назад – в конце июля 1914 года – я впервые побывала в Веймаре. Я шла туда (почти четыреста километров!) пешком из Гейдельберга, где готовила свою магистерскую диссертацию. И было это мое путешествие паломничеством, *поклонением Гёте и гётеанству*, основным для меня духовным учителям и воспитателям» [там же, 310]. Прошлое и настоящее культуры немецкого народа, судьбы двух, тогда соперничающих, германских государств (1949-1990) и выдающихся представителей многовековой культуры постоянно в поле зрения многих страниц «Зарубежных писем», составляющих настоящую эклогу... Здесь и увлекательное повествование с постоянными экскурсами в мировую историю о знаменитой Лейпцигской ярмарке, и о музеях великих поэтов и музыкантов И. Гёте, Ф. Шиллера, Ф. Листа, И.С. Баха в Веймаре, ставшего в свое время духовным центром Германии, о блистательных творениях Л. Бетховена и бетховенских фестивалей, и о крупном оптическом производстве в Иене.

Заключение

Многоплановое использование разнообразных деталей в «Зарубежных письмах» предусматривает усиление объемности изображения, воссоздания духа времени и характеристики героев. Правомерно философское утверждение М. Шагинян: «Время – гибко, оно растягивается. Впечатления ложатся в короткие сроки более компактно, более близко друг к другу, и картина путешествия становится полотном, густо насыщенном деталями» [там же, 501]. Выдающимся деятелям национальных культур, внесшим в мировой багаж свое творческое видение мира, свои неповторимые образы и краски, верность высоким идеалам М. Шагинян уделяет особое место, создает о каждом из них своеобразные миниглавки, завершающие тот или иной из ее зарубежных циклов. Своеобразие ее публицистики заключается еще в том, что каждое «Письмо» способно вбирать в себя несколько самостоятельных жанровых дефиниций, основанных на сложных ассоциативных связях и обобщениях: эссе,

очерк, притча, легенда и т.д. Важно отметить, что *личность автора*, находящегося в центре каждого тематического повествования, предстает важнейшим структурно-семантическим элементом очерков. Именно личность рассказчика подчиняет себе весь эмпирический материал, становясь центральной эстетической категорией каждого «зарубежного письма». Синтез литературных тенденций и жанров как культурная новация XX века позволил М. Шагинян создать целостную очерковую структуру *инновационного типа*, воплотившую образ современной автору эпохи.

Все европейские страны «Зарубежных писем» и их национальные культуры предстают в посвященных им очерковых циклах не только в историческом своеобразии своих традиций и народного характера, но также в сложной новизне их современного духовного и социального развития¹, когда доминирующей для писательницы является *интернациональная тема*. В ее основе находится постоянный глубокий интерес автора к разным народам, нерушимая вера в их творческие силы, трепетное уважение к культуре и искусству, желание познать все ценное, что каждый из них внес в общую духовную сокровищницу человечества.

Библиография

1. Гилилов И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1997. 477 с.
2. Лисина Е.А. К вопросу о механизмах перехода: социально-философский аспект // Вестник ОГУ. 2011. № 7. С. 115-120.
3. Никулин Л. Наш друг Мариэтта Шагинян // Лит. газета. 1963.
4. Шагинян М.С. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. 720 с.
5. Шагинян М.С. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Художественная литература, 1988. Т. 6. 655 с.

---

1 На духовное и социальное развитие стран в современном мире оказывает влияние то, что «глобализированное человечество находится в эпицентре множественных конфликтов, вызванных переменами в формационном, информационном, цивилизационном статусе традиционных и вновь образованных социальных групп» [Лисина, 2011, 115].

Culturological aspects of the essays "Foreign letters"

by M. Shahinyan

Nikolai I. Stopchenko

Doctor of Culturology, professor,

Yu.A. Zhdanov Don Academy of Sciences for Young Researchers,
344006, 55 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The article examines the culturological aspects of the essays "Foreign letters" written by M. Shahinyan who was passionately fond of travelling and communicating with representatives of different cultures. She fascinatingly wrote about specific pages from the history of many peoples, philosophically reflected on their centuries-old spiritual relationships, addressed the topic of the succession of cultures, and described everything that was new to her in the countries she had visited. The author of the article points out that the specificity of the essays in "Foreign letters" is determined by the fact that M. Shahinyan took their artistic and journalistic gist to a new, higher level in big-time literature, deepened and expanded the genre structure of travel writing, adapting it to new challenges. Due to her civic engagement and creative activity, M. Shahinyan was always in the very heart of ideological and aesthetic strivings, the sociocultural life of her country and that of foreign countries. This fact gives grounds to view her as a guide to the entire human culture. M. Shahinyan's unquenchable thirst for understanding the modern world is striking, she strove to collect and preserve the realia of time in every national culture.

For citation

Stopchenko N.I. (2015) Kul'turologicheskie aspekty "Zarubezhnykh pisem" M. Shaginyan [Culturological aspects of the essays "Foreign letters" by M. Shahinyan]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 3, pp. 11-23.

Keywords

Universal master, spiritual life, civic engagement and creative activity, a guide to the entire human culture, the mosaic of a creative life, international theme, Shakespeare authorship question, the acme of realistic satire.

References

1. Gililov I.M. (1997) *Igra ob Uil'yame Shekspire, ili Taina Velikogo Feniksa* [The Shakespeare game: The Mystery of the Great Phoenix]. Moscow: Artist. Rezhissyor. Teatr Publ.
2. Lisina E.A. (2011) K voprosu o mekhanizmax perekhoda: sotsial'no-filosofskii aspekt [On the mechanisms of transition: a social and philosophical aspect]. *Vestnik OGU* [Bulletin of Orenburg State University], 7, pp. 115-120.
3. Nikulin L. (1963) Nash drug Marietta Shaginyan [Our friend Marietta Shahinyan]. *Lit. gazeta* [Literary newspaper], 2nd Apr.
4. Shaginyan M.S. (1986) *Sobranie sochinenii v 9 tomakh* [Collected works in 9 volumes]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
5. Shaginyan M.S. (1988) *Sobranie sochinenii v 9 tomakh* [Collected works in 9 volumes]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.